

Сердце Цзян Шэня колотилось, как барабан.

Он застыл на месте, на какое-то время даже дышать перестал — будто сам не осознавал этого.

Но стоило ему вдохнуть, как бешеный стук сердца стал настолько явственным, что Цзян Шэнь всерьёз опасался, не разбудит ли он этим маленького лиса.

Но нет.

Лисёнок спал крепко, а полупрозрачный призрак, лежащий поверх его тела, тоже спокойно и безмятежно дремал.

Цзян Шэнь понимал, что не должен смотреть дальше.

Пусть это всего лишь фантом, но лисёнок ведь был совершенно голым, его незащищённое тело лежало на его же соломенной постели, свернувшись клубочком, ничего не подозревая.

Не смотри на непотребное — даже маленькие дети знают эту истину.

Но отвести взгляд он всё равно не мог.

Конечности лисёнка — тонкие, стройные...

Даже в человеческой форме он свёртывается в такой же маленький комочек — красивый, хрупкий.

Всё это невероятно напоминало образы, что блуждали в фантазиях Цзян Шэня.

Как же он выглядит на самом деле?

Будет ли он таким, как он себе представлял?

Не заметив, как, Цзян Шэнь уже присел рядом с постелью.

С близкого расстояния он мог рассмотреть сквозь упавшие тёмные волосы изящные черты лица.

Это лицо было совсем не таким, как он представлял.

В фантазиях Цзян Шэня маленький лисёнок был глуповатым, простодушным, должен был выглядеть нежным и милым — таким, что у людей возникает непреодолимое желание защищать его; даже если он делает глупости, на него невозможно всерьёз злиться.

Но юноша перед ним обладал ослепительной и притягательной красотой.

Не той вульгарной красотой, что можно встретить у людей.

Его черты были чёткими, объёмными; длинные густые ресницы, слегка приподнятые уголки глаз...

Легко представить, как он выглядел бы, открыв глаза, — красота, способная пленить любое живое существо.

Разница между реальностью и его фантазией была такой огромной, что Цзян Шэнь даже не знал, как это объяснить — но ведь его вины здесь нет.

Даже самый искусный художник в мире не сумел бы передать и тысячной доли этой красоты.

Как он мог представить её заранее?

Если уж говорить честно, следовало лишь вздохнуть: похоже, слухи о том, насколько прекрасны лисы-оборотни, совершенно не преувеличены.

Неизвестно, видел ли он хороший сон, но мягкие, прозрачные губы юноши слегка изогнулись, чуть приоткрылись...

И прядь волос попала ему в рот.

«Глупенький».

Цзян Шэнь посмотрел на него ещё немного, затем протянул руку, чтобы поправить прядь, упавшую на лицо.

Но он даже не успел коснуться — в ту же секунду призрачная фигура рассыпалась на мельчайшие частицы, исчезнув.

Цзян Шэнь резко вздрогнул.

Лисёнок во сне зевнул и открыл глаза, сонно моргая.

Он потёр их маленькими лапками, всё ещё в полудрёме:

— Мы будем есть?

— Н-нет, ещё нет. — Цзян Шэнь поспешно вскочил. Его раненая нога тут же отозвалась болью, он едва не упал.

Опираясь на край постели и не смея взглянуть на лисёнка, он пробормотал: — Я... я сейчас поджарю кролика. Уже начинаю.

Его уход можно было назвать только одним словом — паническое бегство.

Ли Жуань проводил его взглядом, недоумённо склонив голову.

С чего это он так нервничает?

Из-за чувств, конечно. Лисёнок был очень чувствителен к эмоциям Цзян Шэня, но в основном мог улавливать лишь сам факт перемены — счастлив он или огорчён.

Во всех более сложных эмоциях он разобраться не мог.

Разум смертного слишком сложен, его трудно понять.

Ли Жуань потянулся, перестав размышлять.

Он вспомнил, что вроде бы видел сон: будто он снова превратился в человека... и увидел Цзян Шэня.

Он поднялся, вытянул лапы, встряхнул хвост.

Никаких признаков возвращения духовной силы.

Наверное, это и правда был всего лишь сон.

С лёгким сожалением подумал маленький лисёнок.

С того дня с Цзян Шэнем стали происходить едва заметные, но постоянные перемены.

Например, он явно куда чаще, чем раньше, впадал в задумчивость, ходил рассеянным, и даже

несколько раз сжѐг мясо.

Кроме того, он мог долго смотреть на Ли Жуаня — слишком долго — настолько, что тот начинал чувствовать себя неловко.

— Зарежь курицу, чего ты всё время на меня пялишься? — недовольно дёрнул хвостом лисёнок.

Цзян Шэнь поспешно отводил взгляд.

Он и сам не хотел так делать, но с того самого вечера лисёнок больше ни разу не появился в человеческом облике.

Тот раз на закате будто бы стал очередной его фантазией...

Но Цзян Шэнь точно знал, что это была не фантазия.

Он видел это собственными глазами — и теперь этот образ не уходил ни днём, ни ночью.

Изначально Цзян Шэнь думал, что появление призрачного человеческого силуэта — знак того, что тело лисёнка восстанавливается и он вскоре сможет стабильно принимать человеческую форму.

Но прошли дни... а ничего не менялось.

Лисёнок наоборот — стал чаще уставать, спал всё больше, и ел всё больше.

Кроме того, он, кажется, даже не осознавал, что когда-то обернулся человеком.

А это само по себе странно.

Лисёнок ведь ежедневно поглощал его эссенцию, и в последние дни делал это даже чаще обычного.

Но состояние его совсем не улучшалось — наоборот, ухудшалось с каждым днём.

Цзян Шэнь вспомнил: когда он впервые дал ему свою сущность, лисёнок становился заметно бодрее.

Что-то было не так.

Почему же именно тогда у лисёнка внезапно проявился человеческий фантом?

Цзян Шэнь опустил глаза и увидел в руке кинжал.

Лисёнок, должно быть, сильно проголодался: пока он ждал, когда Цзян Шэнь разделает фазана, он успел погрызть несколько фруктов из их запасов.

Воспользовавшись моментом, Цзян Шэнь незаметно омыл руки в чистой воде и быстро сделал надрез на кончике пальца.

— Ай... — притворно скривился Цзян Шэнь и бросил взгляд на маленькое создание рядом. — Лисёнок, я кровь пустил.

— Э?

Когда лисёнок поднял голову, его глаза открыто сверкнули.

Но — почувствовав, что слишком явно это показал — он постарался изобразить беспокойство:

— Почему ты опять поранился?

А затем радостно потянулся и взял его палец в рот.

Но Цзян Шэнь сделал слишком глубокий порез — и лисёнок не мог остановить кровь, как ни старался.

А ещё он съел совсем чуть-чуть, и потому выпустил его руку:

— Я... я сейчас принесу травы, перевяжу.

— Подожди, — остановил его Цзян Шэнь. — Разве ты сам не говорил, что в крови много эссенции, и её нельзя тратить впустую?

Лисёнок замер на месте, дёрнув хвостиком — явный признак неловкости.

Порез Цзян Шэня всё ещё кровоточил, и глаза лисёнка бегали по сторонам, лишь бы не смотреть прямо на рану.

Цзян Шэнь прекрасно понял, что тот очень хочет, но стесняется.

Да, здесь что-то точно не так.

Он задумался на мгновение и, кажется, догадался:

— В последнее время... ты что, стал забирать меньше эссенции?

Уши лисёнка взметнулись от удивления.

«Угадал», — подумал Цзян Шэнь.

Сущность невидима для обычных людей вроде него — он не знал, сколько именно лисёнок получает каждый раз.

Единственное, что он чувствовал — это то, что последние дни у него нет прежней слабости, озноба, упадка.

А вот состояние лисёнка становится всё хуже.

Значит, это точно проделки маленького лиса.

Ли Жуань невольно притопнул передними лапками — он делал так всегда, когда чувствовал себя виноватым.

Цзян Шэнь спросил:

— Почему?

Ли Жуань тихонько пробурчал:

— Я не хочу, чтобы ты снова заболел.

Хотя Цзян Шэнь и не обвинял его в том прошлый раз, Ли Жуань до сих пор переживал.

Раз уж его раскрыли, он перестал скрывать:

— У тебя тело слабое... если ты снова заболеешь из-за того, что я съел слишком много эссенции... тебе будет тяжело восстановиться.

Брови Цзян Шэня дрогнули, но он постарался не перебивать.

Ли Жуань продолжил:

— Я потом спросил у А-Сюэ. Обратни привыкают к сущности, и чем дольше её ешь, тем больше хочешь. Если так продолжится, я рано или поздно высосу тебя досуха.

Так вот оно что.

Взгляд Цзян Шэня помрачнел.

— Значит, ты терпел свою слабость, только чтобы я не заболел?

— Я... только когда уж совсем не вмоготу, прихожу к тебе за глотком, — пробурчал лисёнок.

Неудивительно, что его состояние становилось всё хуже.

— Кто же тебе виноват, что ты не согласился на двойное культивирование, — пожаловался Ли Жуань. — Если бы согласился раньше, всё было бы нормально. Но ничего, я уже сказал А-Сюэ: как только появится возможность впустить в гору ещё смертных, тогда я...

— Нет, — перебил его Цзян Шэнь. Мимолётное сочувствие исчезло. — Сколько ты вообще хочешь впустить?

— Несколько, — моргнул Ли Жуань, искренне не понимая, почему Цзян Шэнь выглядит недовольным. — Если придёт только один человек, а он тоже откажется от двойного культивирования, как ты, то я снова буду зря стараться. А если придёт несколько — кто-нибудь да согласится.

Он снова вздохнул:

— Жалко только, что погода испортилась, снег идёт бесконечно... уже давно ни один смертный не заходил в гору.

Говорил он с таким видом, будто искренне сожалеет.

Цзян Шэнь сжал переносицу.

Этот лисёнок...

Хорошо ещё, что он первым встретил его.

Попади он на кого-нибудь с дурными намерениями — его бы давно обманули или использовали.

Он подумал немного и уже серьёзно сказал:

— Нельзя больше впускать сюда смертных.

— Почему? — искренне удивился Ли Жуань.

— Потому что... — Цзян Шэнь запнулся, — я ведь сейчас восстанавливаюсь здесь вместе с тобой. Если тыпустишь кого-то ещё, вдруг он узнает, кто я такой? Я же говорил — мою личность нельзя раскрывать другим. Я уже столько эссенции дал тебе, так что помоги и ты мне в ответ хотя бы в этом.

Ли Жуань немного посмотрел на него, потом кивнул:

— Это правда.

Но затем обеспокоенно спросил:

— Тогда что же мне делать?

Цзян Шэнь тоже замолчал.

Если лисёнок не может поглощать сущность... и не может найти других людей... остаётся только один путь.

Цзян Шэнь посмотрел на него и протянул окровавленный палец:

— Я что-нибудь придумаю. А пока — ешь немного. Не бойся, мне не плохо. Я не настолько слабый.

В ту ночь, после ужина, Цзян Шэнь снова взял лисёнка к себе на руки.

Было видно, что последние дни тот действительно едва выдерживал — а сегодня Цзян Шэнь ради него нарушил своё правило.

Лисёнок прижался к нему, начал пить эссенцию, и вскоре у Цзян Шэня даже закружилась голова.

Но лисёнок этого не заметил — наевшись, он быстро свернулся клубочком у него на груди и

заснул.

Перед тем как окончательно отключиться, он всё же взволнованно пробормотал:

— Ты только... потом обязательно положи меня обратно в гнездо. А то ночью опять высосу у тебя сущность...

— Понял, — сказал Цзян Шэнь. — Спи спокойно.

Лисёнок что-то пробормотал, но через мгновение затих.

Убедившись, что тот заснул, Цзян Шэнь с облегчением выдохнул и сжал пальцами переносицу.

Лисёнок был прав...

Если давать ему сущность так беспечно, он и одной ночи не выдержит — что уж говорить о будущем.

Но двойное культивирование...

Как вообще проводить его с лисом в звериной форме?

Это практически то же самое, что в человеческой — а значит...

Цзян Шэнь ущипнул лисёнка за мягкие ушки и тихо пробормотал:

— Глупый маленький лис... я тебе столько эссенции отдал, ну почему ты никак не обернёшься обратно?

Тогда, в тот день, стоило ему только пригубить каплю крови — и он сразу принял человеческий облик.

Лисёнок шевельнул ушами, устроился поудобнее и продолжил спать.

Цзян Шэнь подождал ещё немного, почувствовал сонливость и решил, что, видимо, сегодня лисёнок не сможет трансформироваться.

Надо отнести его в гнездо.

Он поднялся, держа лисёнка на руках, сделал шаг — и вдруг почувствовал, как его руки резко потяжелели.

Цзян Шэнь не ожидал этого — его застали врасплох.

Он потерял равновесие и, действуя лишь инстинктом, крепче прижал к себе того, кто был у него на руках.

Они вместе повалились на его соломенную постель.

Под ладонью ощущалась нежная, тёплая кожа.

Человеческая. Голая.

Тело Цзян Шэня мгновенно окаменело.

Падение, кажется, вовсе не потревожило того, кто лежал у него в руках.

Юноша спокойно устроился в его объятиях, положив голову ему на плечо, а его тёплое дыхание раз за разом касалось шеи Цзян Шэня.

Цзян Шэнь почувствовал, как голова кружится ещё сильнее.

— Ли... лисёнок... — голос Цзян Шэня стал натянутым, почти срывающимся, он тихо позвал.

Юноша потерялся щекой о его шею и недовольно пробормотал:

— Не шуми...

Цзян Шэнь мгновенно замолчал.

Он и сам не хотел его будить.

Но сегодня лисёнок и так поглотил слишком много его сущности — если продолжить в том же духе, тело Цзян Шэня может просто не выдержать.

Тогда... может, нужно отнести его обратно?

Цзян Шэнь повернул голову к маленькому травяному гнёздышку рядом.

Потом снова посмотрел вниз — на человека у себя в руках.

С этого ракурса он не видел лица юноши.

Он только чувствовал — тело у него маленькое, гораздо ниже и тоньше его самого, талия настолько узкая, что он сможет обхватить её одной рукой.

Но каким бы маленьким ни было тело, травяное гнездо, предназначенное для лисьей формы, было слишком мало для человека — туда он точно не поместится.

Цзян Шэнь помолчал.

Затем принял решение.

Обняв юношу одной рукой, другой он нащупал под подушкой, глубоко-глубоко, в самом дальнем углу — и вытащил оттуда небольшой флакон голубой глазури.

Он высыпал из него одну пилюлю.

И, ни секунды не колеблясь, проглотил её.

<http://bllate.org/book/14444/1277233>